

Авакова Марина Лазаревна

**ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНДИКАТОРЫ СОБЛЮДЕНИЯ И НАРУШЕНИЯ
ВЕЖЛИВОСТИ**

Статья посвящена исследованию прагматических характеристик дискурсивных частиц ('just', 'simply', 'really', 'quite', 'nearly') в ситуациях соблюдения и нарушения вежливости. Особое внимание обращается на оттенки значений дискурсивных частиц в различных контекстах. Выявлено, что, выступая в качестве смягчителей или акцентуаторов/максимайзеров, дискурсивные частицы функционируют в качестве индикаторов соблюдения или нарушения вежливости.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 17-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111

Филологические науки

Статья посвящена исследованию прагматических характеристик дискурсивных частиц („just“, „simply“, „really“, „quite“, „nearly“) в ситуациях соблюдения и нарушения вежливости. Особое внимание обращается на оттенки значений дискурсивных частиц в различных контекстах. Выявлено, что, выступая в качестве смягчителей или акцентуаторов/максимайзеров, дискурсивные частицы функционируют в качестве индикаторов соблюдения или нарушения вежливости.

Ключевые слова и фразы: дискурсивные частицы; ликоущемляющие речевые акты; эффект смягчения; эффект усиления; вежливость; невежливость; *downtoner*; *emphasizer*; *maximizer*.

Авакова Марина Лазаревна

Пятигорский государственный лингвистический университет
marina-avakova@yandex.ru

**ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК ИНДИКАТОРЫ
СОБЛЮДЕНИЯ И НАРУШЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ©**

В английской коммуникативной культуре существует ряд разработанных стратегий и тактик, направленных на соблюдение норм вежливости, на предотвращение и устранение конфликтов. Вежливость может реализовываться при помощи большого количества лингвистических выражений и конструкций.

Стратегии вежливости описываются как выражения согласия, неформальности и осведомленности. А. Мейер рассматривает стратегии вежливого поведения (уважение взглядов собеседника) в комбинации с лингвистическими стратегиями [18, p. 382-383].

Наиболее яркой особенностью английской коммуникации является использование различных суперлативных единиц, эмоционально окрашенных слов (глаголов *love* – любить, *hate* – ненавидеть, *die* – умирать; прилагательных *great* – замечательный, *excellent* – отличный, *gorgeous* – великолепный, *perfect* – безупречный, *superb* – превосходный, *fantastic* – потрясающий) [3; 4; 17], интенсификаторов (*absolutely* – совершенно, *certainly* – несомненно, *definitely* – определенно, *quite* – абсолютно, *really* – особенно, *very* – очень) [14; 15], прагматических маркеров и дискурсивных частиц (*just* – точно, именно, просто, совершенно, *only* – только, всего лишь, *I mean / I think* – я собираюсь / я хотел / я думаю, *sort of / kind of* – вроде / как бы, *well* – ну, а, что же, *you know* – знаете ли, понимаете), наречий степени (*pretty* – достаточно, *fairly* – довольно, *extremely* – крайне, *awfully* – очень, чрезвычайно) [1; 2; 6; 7; 11]. Основное прагматическое значение использования подобных единиц заключается в проявлении внимания к собеседнику, доброжелательности, симпатии, заинтересованности, т.е. вежливости.

Вежливость ассоциируется с потребностью слушающего создать о себе позитивное впечатление, сохранить собственное достоинство. Вежливость представляет собой специфическую современную форму эмоционального контроля, служащую средством выражения корректного социального поведения, указывает на то, что говорящий заинтересован в желаниях собеседника, уважает его чувства [14, p. 157].

Особые средства проявления вежливости служат способом „социального ускорителя“, когда говорящий, используя их, указывает на то, что он хочет „приблизиться“ к слушающему [6, p. 164].

Для определения содержания категории вежливости и выявления компонентов вежливого поведения большое значение имеет смысловой компонент, отражающий наличие у человека определенных знаний, составляющих категории этикета и жизненного опыта. Вежливость предполагает не только знание, но и соблюдение этих правил [5, с. 196].

Вежливость в общении представителей британской культуры предполагает следующие основные линии поведения:

- не навязывайте, не будьте прямолинейны;
- не молчите;
- будьте дружелюбны.

Эти линии предполагаемого поведения, т.е. определенная пресуппозиция, являются ключевыми моментами вежливого общения [3, с. 52-53].

Принцип Вежливости Дж. Лича выполняет регулятивную функцию для поддержания социального равновесия и дружелюбных отношений, которые дают возможность предположить, что коммуниканты сотрудничают друг с другом [17, p. 82].

Принцип Вежливости основывается на следующих максимах:

1. Максима Такта наблюдается в импозитивных и комиссивных речевых актах (сводите к минимуму ущерб для собеседника; максимизируйте пользу/выгоду для собеседника).
2. Максима Щедрости/Благородства наблюдается в импозитивных и комиссивных речевых актах (сводите к минимуму выгоду для себя; максимизируйте ущерб для себя).
3. Максима Одобрения наблюдается в экспрессивных и ассертивных речевых актах (сводите к минимуму неодобрение действий собеседника; максимизируйте похвалу собеседника).

4. Максима Скромности наблюдается в экспрессивных и ассертивных речевых актах (сводите к минимуму похвалу в свой адрес; максимизируйте самокритику).

5. Максима Согласия наблюдается в ассертивных речевых актах (сводите к минимуму разногласия с собеседником; максимизируйте согласие с собеседником).

6. Максима Сочувствия/Симпатии наблюдается в ассертивных речевых актах (сводите к минимуму антипатию к собеседнику; максимизируйте симпатию к собеседнику) [Ibidem, p. 132].

Наиболее основательное исследование концепции вежливости мы находим у П. Браун и С. Левинсона, где основной целью вежливости является сохранение „лица“ собеседника. Теория вежливости П. Браун и С. Левинсона основывается на трех основных понятиях: лицо, ликоущемляющие речевые акты и стратегии вежливости. По определению Э. Гоффмана, лицо – это позитивный общественный облик, которым стремится владеть каждая личность („positive social value a person effectively claims for himself“) [13, p. 5].

П. Браун и С. Левинсон вводят в теорию вежливости термины «позитивное лицо» («positive face») и «негативное лицо» («negative face») и характеризуют „лицо“ участника разговора скорее с точки зрения его желаний и потребностей, чем социальных норм. «Негативное лицо» – потребность личности в беспрепятственности, неприкосновенности, желание иметь свободу действий и внимания [7, p. 62, 129]. «Позитивное лицо» – желание индивида получать поддержку и одобрение своих потребностей, действий, ценностей [Ibidem, p. 62, 101].

Суть теории вежливости П. Браун и С. Левинсона состоит в том, что все речевые акты изначально являются ликоущемляющими, представляющими угрозу негативному и позитивному лицу, так как все они требуют усилий слушающего для понимания коммуникативных интенций говорящего. Понятие ликоущемляющих речевых актов является одной из важных составляющих теории вежливости, которая определяется как средство выражения заботы и уважения к чувствам реципиента. Каждая группа пользователей языка развивает принципы вежливости, от которых образуются определенные лингвистические стратегии вежливости. Используя эти стратегии, коммуникантам удается не только передать свое сообщение, но и свое намерение оставаться вежливым в процессе коммуникации. В этом процессе снижается «потеря лица» в результате взаимодействия [12, p. 229]. Зная о потребностях «лица» собеседника, коммуникант будет стараться избегать ликоущемляющих речевых актов, используя определенные смягчающие стратегии.

Ликоущемляющий речевой акт может совершаться в прямой/эксплицитной форме (On Record), в косвенной форме (Off Record). Совершая ликоущемляющий речевой акт в эксплицитной форме, говорящий может высказаться напрямик, без компенсации (Baldly – Without Redress) или может смягчить угрозу, выступить с компенсацией позитивному лицу (позитивная вежливость) (With Redress – Positive Politeness) и негативному лицу (негативная вежливость) (With Redress – Negative Politeness) [7, p. 72].

Предъявление ликоущемляющих актов в прямой форме без компенсации ущерба лицу адресата может рассматриваться в рамках теории невежливости.

В исследованиях, посвященных изучению невежливости, представлены стратегии, несущие угрозу лицу адресата. Л. Лахенихт акцентирует внимание на «угрожающем языке» (aggravating language), под которым понимается рациональная и преднамеренная попытка нанести ущерб адресату [16, p. 607]. Он рассматривает четыре «угрожающие/раздражающие» стратегии:

1. Косвенно (Off-record): неопределенные оскорбления, намеки, ирония. Данная стратегия направлена на создание возможности для оскорбляющего лица утвердить свою невиновность при принятии вызова от оскорбленного лица.

2. Прямо/эксплицитно (Bald on-record): прямые ликоущемляющие акты и навязывания/директивы.

3. Позитивное раздражение (Positive aggravation): стратегия, направленная на проявление неодобрения действий слушающего, нежелания сотрудничать с ним.

4. Негативное раздражение (Negative aggravation): стратегия, направленная на посягательство на свободу действий адресата, на его социальную позицию, основу его социальных действий [Ibidem, p. 619].

Дж. Калпепер представляет атаки лица слушающего в следующих стратегиях:

1. Прямая невежливость (Bald on-record impoliteness) – демонстрируется интенция говорящего атаковать, ущемить лицо слушающего.

2. Позитивная невежливость (Positive impoliteness) – нанесение ущерба позитивному лицу слушающего, игнорирование, отсутствие проявления интереса, симпатии, заботы, несогласие.

3. Негативная невежливость (Negative impoliteness) – нанесение ущерба негативному лицу слушающего, запугивания, снисходительное отношение, высмеивание.

4. Вежливость сарказма или насмешки (Sarcasm or mock politeness) – неискренние стратегии вежливости, противоположны добродушному подшучиванию.

5. Отказ от вежливости (Withhold politeness) – молчание или отсутствие каких-либо действий в ситуациях, где ожидается вежливость [9, p. 356-358].

Дж. Калпепер отмечает, что стратегии невежливости могут комбинироваться и повторяться, что способствует усилению невежливости [10, p. 1561].

Говоря о лице и самоуважении участников коммуникации, с которыми связаны их желания не испытывать помех и получать одобрение в процессе коммуникации, В. И. Карасик представляет соотношения статусных оценок. Так как вежливое общение подразумевает заботу о репутации партнера по коммуникации, нормальной ситуацией вежливости является соотношение, где говорящий в меньшей мере заботится о своем лице, чем о репутации собеседника. Ситуация невежливости представлена соотношением, когда говорящий в большей мере заботится о своем лице, чем о репутации собеседника. Пограничным между вежливым

и невежливым общением является соотношение, когда говорящий заботится как о своем лице, так и о репутации собеседника. Акцентированная вежливость, проявляемая в возвышении адресата и принижении говорящего, прослеживается в соотношении, когда говорящий заботится только о репутации собеседника (мере уважения собеседника со своей стороны). Предельная невежливость – в соотношении, когда говорящий заботится только о собственном лице. Ситуации, в которых говорящий не заботится ни о своем лице, ни о репутации собеседника, характеризуется отсутствием контакта либо предельно аффективным поведением [2, с. 82-83].

Дискурсивные частицы, представляющие собой короткие единицы речи (*„just“*, *„simply“*, *„really“*, *„quite“*, *„nearly“*), оперируют на интерперсональном уровне и выражают отношение к пропозиции высказывания. Они служат средствами реализации коммуникативных целей говорящих и выступают как компенсирующие стратегии в ликоущемляющих речевых актах. При этом вышеуказанные дискурсивные частицы могут функционировать в качестве интенсификаторов-смягчителей (*intensifiers downtoners*) (*„just“*, *„simply“*, *„nearly“*), выполняющих эффект снижения на предполагаемой шкале интенсивности, а также в качестве акцентуаторов (*emphasizers*) (*„just“*, *„really“*) и интенсификаторов-максимайзеров (*intensifiers maximizers*) (*„quite“*), которые производят эффект усиления на предполагаемой шкале интенсивности. Смягчители *„just“*, *„simply“*, *„nearly“* минимизируют степени ликоущемляющих актов и, таким образом, являются индикаторами негативной вежливости в директивных речевых актах. Акцентуаторы *„just“*, *„really“* и интенсификатор-максимайзер *„quite“* в процессе усиления эмоциональной окраски высказывания могут служить индикаторами как позитивной вежливости в экспрессивных речевых актах, так и нарушения вежливости в директивных и экспрессивных речевых актах.

Представим использование дискурсивных частиц, выступающих как компенсирующие стратегии в ликоущемляющих речевых актах, в ситуациях негативной и позитивной вежливости, а также в ситуациях нарушения вежливости, где дискурсивные частицы способствуют усилению невежливости.

Изучение лексико-грамматической принадлежности и семантических характеристик дискурсивной частицы *„just“*, а также ее дискурсивных аналогов *„simply“*, *„really“*, *„quite“*, *„nearly“* позволяет проиллюстрировать исследуемую дискурсивную частицу и ее синонимы в качестве индикаторов вежливого общения и нарушения вежливости в разных значениях.

Рассмотрим использование дискурсивных частиц *„just“*, *„simply“* в функции смягчителей в значении *„only, merely, without question“* – *„просто, только, лишь“* в директивных речевых актах, где дискурсивные частицы выступают индикаторами стратегий негативной вежливости. Стратегии негативной вежливости характеризуются как выражения минимизации навязывания, соблюдения дистанции, сдержанности между собеседниками, почтения, извинения, неопределенности [7]. Данные стратегии прослеживаются в Максимах Такта, Щедлости/Благородства, Скромности Дж. Лича. При помощи дискурсивных частиц, снижающих степень категоричности высказываний, моральный ущерб для собеседника сводится к минимуму.

В нижеприведенном примере (Пример 1) миссис Конвей обращается к своему поверенному и одновременно другу, пришедшему обсудить с ней и ее детьми вопросы, касающиеся финансового положения семьи.

Пример 1

Mrs Conway: Now then, Gerald, **just** tell us how things are – and don't read out a lot of figures and dates and things [20, с. 103] (= Now then, Gerald, **simply** tell us how things are – and don't read out a lot of figures and dates and things). / Так вот, Джеральд, **просто** расскажите нам, как обстоят дела... и не зачитывайте разные цифры и даты, и прочие подробности (*здесь и далее перевод мой – А. М.*).

Дискурсивная частица *„just“* в значении *„simply“* (*„только, просто“*) в данной ситуации смягчает ликоущемляющий речевой акт просьбы, минимизирует ущерб собеседнику, служит индикатором негативной вежливости.

Рассмотрим использование дискурсивного аналога *„just“*, а именно дискурсивной частицы *„simply“* в функции смягчителя в директивном речевом акте совета-рекомендации. В Примере 2 рассматривается преуменьшение силы высказывания при помощи *„simply“* в значении *„just“*, *„only“*, *„merely“* – *„просто, только, лишь“*. Адвокат семьи Конвейз (Gerald) предлагает миссис Конвей возможные варианты погашения долга банку, смягчая свою рекомендацию.

Пример 2

Gerald: ... The overdraft can be paid off, of course, **simply** by selling shares or some of the houses, but after that Mrs. Conway would be worse off than ever [Там же, с. 121] (= The overdraft can be paid off, of course, **just** by selling shares or some of the houses, but after that Mrs. Conway would be worse off than ever). / Превышение кредита можно, конечно, погасить, **просто** продав акции или несколько домов, но после этого положение миссис Конвей еще больше ухудшится.

В данной ситуации говорящий минимизирует силу высказывания при помощи дискурсивной частицы *„simply“*, преуменьшает возможный ущерб слушающему, звучит ненавязчиво, что способствует соблюдению вежливой коммуникации.

Продемонстрируем использование дискурсивных частиц *„just“*, *„nearly“* в качестве индикаторов негативной и позитивной вежливости в директивных и экспрессивных речевых актах.

В нижеследующем Примере 3 рассматривается использование дискурсивной частицы *„just“* в значении *„only, simply“* (*„просто, только, лишь“*) в функции смягчителя в ликоущемляющем экспрессивном речевом акте неодобрения, которому предшествует просьба, также смягченная при помощи *„just“*. Эстелла просит подругу не брать ее личные вещи без спроса, высказывая свое неодобрение таким действиям, но по отношению к третьим лицам.

Пример 3

Estella: Oh, borrow whatever you want. **Just** ask me first, okay? I can't stand girls who **just** take things [8, p. 367] (= Oh, borrow whatever you want. **Only** ask me first, okay? I can't stand girls who **simply** take things). / Бери все, что хочешь. **Только** сначала спроси, хорошо? Я терпеть не могу девочек, которые **просто** берут вещи.

В данной ситуации неодобрение выполнено в косвенной форме. Смягченная категоричность высказывания способствует соблюдению Принципа Вежливости, моральный ущерб для собеседника сводится к минимуму.

В следующем Примере 4 иллюстрируется смягчение речевых актов неодобрения и просьбы при помощи дискурсивных частиц „**nearly**“ в значении „**practically, almost**“ – „*практически, почти*“ и „**just**“ в значении „**simply**“ – „*просто, только, лишь*“. Бити очень редко видится и разговаривает со своей матерью, вежливо просит просто выслушать ее.

Пример 4

Beatie: ...It's not often we get together and really talk, it's **nearly** always me listening to you telling who's dead. **Just** listen a second [22, p. 187] (= ...It's not often we get together and really talk, it's **just about** always me listening to you telling who's dead. **Simply** listen a second). / Мы не так часто собираемся и действительно разговариваем, **практически** всегда я слушаю, как ты рассказываешь, кто умер. **Просто** послушай меня.

В данной ситуации снижается сила неодобрительного высказывания говорящего, смягчается тональность просьбы, говорящий призывает собеседника к взаимодействию, соблюдается вежливая коммуникация.

Приведем примеры употребления дискурсивных частиц „**just**“, „**really**“ в функции усиления в ситуациях соблюдения позитивной и негативной вежливости. Стратегии позитивной вежливости характеризуются проявлением интереса, одобрения, согласия, понимания, солидарности с собеседником [7]. Данные стратегии прослеживаются в Максимах Согласия, Сочувствия/Симпатии Дж. Лича. Дискурсивные частицы способствуют максимизации проявления симпатии к собеседнику, служат для создания дружеской атмосферы.

В Примере 5 дискурсивная частица „**just**“ выступает в функции акцентуатора в значении „**very, completely**“ – „*очень, абсолютно, совершенно*“, употребляется в экспрессивном речевом акте комплимента как индикатор стратегии позитивной вежливости. Акцентуатор „**just**“ служит для преувеличения, подчеркивания эмоциональной окраски одобрительного высказывания. В нижеприведенной ситуации приведен разговор двух сестер, которые давно не видели друг друга и переполнены положительными эмоциями.

Пример 5

Blanche: ...I want you to look at my figure! You know I haven't put on one ounce in ten years, Stella?..

Stella: It's **just** incredible, Blanche, how well you're looking [23, p. 122] (= It's **absolutely** incredible, Blanche, how well you're looking. /

Бланш: ...Я хочу, чтобы ты взглянула на меня! Ты знаешь, Стелла, я и грамма не прибавила в весе за десять лет...

Стелла: Это **совершенно** невероятно, Бланш, как прекрасно ты выглядишь.

В данной ситуации при помощи дискурсивной частицы „**just**“ усиливается вежливость в коммуникации, говорящий заботится о лице собеседника, максимизирует похвалу в его адрес, наблюдается преувеличение интереса к слушающему.

В Примере 6 рассматривается усиление извинения при помощи дискурсивной частицы „**really**“ в функции акцентуатора, которая выступает в качестве индикатора негативной вежливости во вспомогательном речевом акте – репрезентативе-обосновании речевого акта извинения. Джейни чувствует себя виноватой в том, что не предупредила мужа своей сестры (Digger) об уклонении от налогов его адвоката (Peter Cannon).

Пример 6

Janey: Oh, Digger. I'm so sorry. I always knew Peter was going to do something **really, really** stupid. I should have warned you [8, p. 5] (= Oh, Digger. I'm so sorry. I always knew Peter was going to do something **very** stupid). / О, Диггер, извини. Я всегда знала, что Питер собирается сделать что-то **ну очень очень** глупое. Мне следовало предупредить тебя.

В данном примере усиливаются самокритика и сочувствие к собеседнику, наблюдается подчеркнуто вежливое отношение к партнеру, сводятся к минимуму разногласия между коммуникантами, прослеживается максима Скромности, соблюдается Принцип Вежливости.

В представленной ниже группе примеров рассматривается использование дискурсивных частиц „**just**“, „**quite**“ с целью усиления пропозиции высказывания в негативно окрашенных контекстах, в ситуациях преувеличения в директивно-экспрессивном речевом акте требования и в экспрессивных речевых актах выражения недовольства, неодобрения и, как следствие, нарушения вежливости.

В Примере 7 рассматривается эмоционально-окрашенная ситуация, где дискурсивная частица „**just**“ в функции акцентуатора служит для усиления категоричности высказывания в ликоущемляющем речевом акте требования с оттенком недовольства с целью нанесения ущерба негативному лицу слушающего и рассматривается как индикатор негативной невежливости. Хейзл, выражая неодобрение воспоминаниям своей сестры об их погибшем отце, требует прекратить разговор.

Пример 7

Hazel: Don't you remember how you used to go on asking that – until mother was furious? ...Well, now that you think you aren't a kid any longer **just** stop it [20, c. 13] (= ...Well, now that you think you aren't a kid any longer **simply** stop it). /

Хейзл: Разве ты не помнишь, как ты без конца спрашивала об этом, пока совсем не вывела маму из терпения. А теперь ты ведь считаешь, что ты уже не маленькая, **так прекрати же** об этом говорить.

В данной ситуации усиливается угроза лицу собеседника, игнорируются Максимумы Такта, Щедрости, нарушается вежливость.

В нижеприведенном Примере 8 рассматривается усиление упрека при помощи дискурсивной частицы „**just**“ в коллокации „**just so**“ в значении усиления „**very, completely**“ – „*очень, абсолютно, совершенно*“, которая

выступает в качестве индикатора позитивной невежливости. Ситуация нанесения ущерба позитивному лицу собеседника проявляется в неодобрении его действий. Луиза Гаррингтон, переживая глубокую душевную драму, чувствуя себя одинокой, выражает недовольство своему мужу.

Пример 8

Louise: I can't stand much more of this. I **just** can't (= I can't stand much more of this. I **simply** can't). /

Луиза: Я больше не могу это терпеть. Я **просто** не могу.

Stanley: What? /

Стэнли: Что?

Louise: ...My life was never meant to be like this – limited this way. I know I'm unpredictable sometimes. I say things I don't mean. But don't you see I'm **just so** frustrated [21, p. 131] (= But don't you see I'm **absolutely** frustrated). /

Луиза: ...Моя жизнь никогда не предвещала быть такой... такой ограниченной. Я знаю, я иногда непредсказуема. Я говорю то, что не имею в виду. Но разве ты не видишь, **насколько** я расстроена.

В данном примере говорящий подчеркивает заботу о своей репутации, усиливает защиту собственного лица, нарушается Принцип Вежливости.

Рассмотрим ситуацию, где в качестве усиления ликоущемляющего речевого акта неодобрения выступает дискурсивная частица „quite“ в коллокации „quite enough“ в значении „very, completely, absolutely, perfectly, entirely“ – „совсем, совершенно, вполне, абсолютно, прямо-таки“ для усиления выражения раздражения по поводу действий собеседника и выступает индикатором позитивной невежливости.

В Примере 9 рассматривается усиление речевого акта неодобрения при помощи „quite“ в конструкции „quite enough“ – „вполне достаточно“. Бетти просит своих друзей не обижать друг друга, вспоминая их погибшего компаньона (Martin).

Пример 9

Betty: ...nobody owned Martin. He belonged to himself... you're all talking a lot of rot and I think I'm going to have a headache any minute.

Robert: Is that all?

Betty: Isn't that **quite** enough [19, с. 29]? (= Isn't that **more than** enough?) /

Бетти: Мартин никому не принадлежал. Он принадлежал самому себе... вы несете полную чепуху, и у меня вот-вот разболится голова.

Роберт: Это все?

Бетти: А **разве вот этого недостаточно?**

В данной ситуации говорящий максимизирует угрозу лицу собеседника, усиливает выражение неодобрения, наблюдается нарушение вежливости.

Таким образом, дискурсивные частицы „just“, „simply“, „nearly“ в функции смягчителей (downtoners) могут служить индикаторами негативной вежливости, т.е., являясь способами смягчения ликоущемляющих речевых актов, минимизируют категоричность высказываний, сводят к минимуму нежелательные эмоции, способствуют соблюдению норм такта и Принципа Вежливости. Дискурсивные частицы „just“, „really“ в функции акцентуаторов (emphasizers) выступают как индикаторы позитивной вежливости, преувеличивая степень пропозиции высказывания в экспрессивных речевых актах одобрения, похвалы. В негативно окрашенных контекстах дискурсивные частицы „just“, „quite“ в значении усиления могут выступать как стратегии нарушения вежливости в директивных и экспрессивных речевых актах и служить индикаторами позитивной и негативной невежливости.

Список литературы

1. Беляева Е. И. Принцип вежливости в речевом общении // Иностранные языки в школе. 1985. № 2. С. 12-17.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
3. Кузьменкова Ю. Б. Азы вежливого общения: учебное пособие. Обнинск: Титул, 2001. 112 с.
4. Ларина Т. В. Вежливость как отражение социально-культурных отношений (на примере английской и русской коммуникативных культур) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2003. № 4. С. 139-149.
5. Хесед Л. А. Категория вежливости и описывающая ее лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (64). Ч. II. С. 195-199.
6. Aijmer K. English Discourse Particles. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002. 298 p.
7. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 450 p.
8. Bushnell C. Trading Up. London, 2009. 548 p.
9. Culpeper J. Toward an Anatomy of Impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. № 25. P. 349-367.
10. Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A. Impoliteness Revisited: with Special Reference to Dynamic and Prosodic Aspects // Journal of Pragmatics. 2003. № 35. P. 1545-1579.
11. Diamond J. Status and Power in Verbal Interaction: A study of Discourse in a Close-knit Social Network. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1996. 180 p.
12. Fraser B. Perspectives on Politeness // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. P. 219-235.
13. Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Pantheon, 1967. 296 p.
14. House J., Kasper G. Politeness Markers in English and German // Conversational Routine / ed. by Florian Coulmas. The Hague: Mouton, 1981. P. 157-185.
15. Labov W. Intensity // Meaning, Form and Use in Context. Linguistic Applications / ed. by D. Schiffrin. Washington, DC: Georgetown University Press, 1984. P. 43-70.

16. Lachenicht L. G. Aggravating Language: a Study of Abusive and Insulting Language // International Journal of Human Communication. 1980. № 13 (4). P. 607-688.
17. Leech G. N. Principles of Pragmatics. N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
18. Meier A. J. Passages of Politeness // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. P. 381-392.
19. Priestley J. B. Dangerous Corner. M.: Менеджер, 1997. 208 с.
20. Priestley J. B. Time and the Conways. M.: Менеджер, 1997. 208 с.
21. Shaffer P. Five Finger Exercise. Modern English Drama. M.: Raduga Publishers, 1984. P. 33-156.
22. Wesker A. Modern English Plays. M.: Progress Publishers, 1966. 382 p.
23. Williams T. A Streetcar Named Desire. Penguin Books, Ltd., 1978. 313 p.

DISCURSIVE PARTICLES AS INDICATORS OF OBSERVING AND VIOLATING THE NORMS OF POLITENESS

Avakova Marina Lazarevna
Pyatigorsk State Linguistic University
marina-avakova@yandex.ru

The article is devoted to investigating the pragmatic characteristics of discursive particles („just“, „simply“, „really“, „quite“, „nearly“) in the situations of observing and violating the norms of politeness. The special attention is paid to the shades of meanings of discursive particles in the various contexts. The author finds out that discursive particles, manifesting themselves as downtoners or emphasizees/maximizers, function as indicators of observing or violating the norms of politeness.

Key words and phrases: discursive particles; offensive speech acts; downtoning effect; emphasizing effect; politeness; impoliteness; downtoner; emphasizee; maximizer.

УДК 811.35

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы корреляций апперцептивных (интерпретационных) вариантов перевода фольклорных песен с кабардино-черкесского языка на русский язык. Приводятся примеры историко-героических песен в переводе просветителя XIX в. Шоры Бекмурзина Ногмова, а также русского ученого и переводчика Г. Турчанинова. Автор оценивает переводы текстов с позиций стилистической и лексико-семантической корреляции с подлинником.

Ключевые слова и фразы: апперцептивный; перевод; корреляция; стилистический; дословная точность; варианты; художественный; современный текст; фольклорная песня.

Алхасова Светлана Михайловна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
alkhas55@mail.ru

ФИКСАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ АППЕРЦЕПТИВНЫМИ ВАРИАНТАМИ ПОДЛИННИКА И ПЕРЕВОДА©

Ещё в XIX веке известный теоретик перевода Вейнберг оценивал русские переводы Шекспира и Гейне, осуществленные Д. Л. Михайловским, с позиций корреляций между апперцептивными (интерпретируемыми) звеньями текста¹. Он отмечал, к примеру, что Михайловский в своих переводах сохраняет внутренний смысл подлинника, его общий, а также местный и временный колорит, поэтичность; при этом он не упускает из виду условия русского языка сравнительно с языком подлинника. Поэтому он не ломает язык перевода насильственно для соблюдения точности. В другом случае, говоря о переводе «Антония и Клеопатры», осуществленном Фетом, Вейнберг резко отрицательно относится к стремлению Фета передавать подлинник буквально, в самом тесном значении этого слова. По его мнению, это приводит к «тяжеловесности и стилистической неуклюжести» [1].

В данной статье речь пойдет о поэтических произведениях несколько иного характера, а именно – о народной поэзии. Тем не менее, требования к корреляции колорита, поэтичности, внутреннего смысла подлинника и сохранению условий языка остаются в силе, но с некоторой спецификой, присущей только фольклорным песням.

© Алхасова С. М., 2014

¹ Вейнберг П. И. (1830-1908) – поэт, переводчик и литературовед. Был одно время профессором Варшавского университета. Произведения В. печатались в Петербурге в «Иллюстрации», «Современнике», «Искре», «Будильнике» и др. органах. Юмористические стихотворения Вейнберга появлялись за подписью «Гейне из Тамбова». Редактировал журналы «Век» (1860-1861), «Изыщная литература» (1883-1885) и др. Выпустил «Страницы из истории западных литератур», «Народные песни об Иване Грозном» и др.; издавал учебные пособия («Европейский театр», «Европейские классики» и др.). Популярность Вейнберг приобрел переводами Гейне, Байрона, Гёте, Лессинга, Шекспира, Шелли и других европейских классиков (см.: Батюшков Ф. К 50-летию литературной деятельности Вейнберга. М.: Б., 1901; Котляревский Н. К 50-летию литературного фонда, 1901; Веселовский Ю. Петр Исаевич Вейнберг «История русской литературы XIX в.». Т. III. С. 213-217; 218-221).